

graffiti

граффити

Лада Лузина

ЛЮБОВЬ –
НЕ САХАР,
САХАР – НЕ ЛЮБОВЬ

*Не обманывай
меня!*

 FOLIO

Лада Лузина

**Любовь – не сахар, сахар
– не любовь (сборник)**

«ОМІКО»

Лузина Л.

Любовь – не сахар, сахар – не любовь (сборник) / Л. Лузина —
«ОМІКО»,

Читать рассказы Лады Лузиной не менее интересно, чем детективы. Прорабатывая классические женские проблемы - любовный треугольник, предательство, измена, - она предлагает своим читательницам самые неожиданные способы их решения. В ее произведениях женщины всегда побеждают: обстоятельства, мужчин, соперниц, самих себя. «Впервые за историю мироздания Женщина вошла в новое тысячелетие во всеоружии всех своих прав, - говорит Лада. - Осталось только научить ее пользоваться этим оружием!»

Содержание

Из книги «Я – ведьма»	5
Маша и море или Колдовская любовь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лада Лузина

Любовь – не сахар, сахар – не любовь

Из книги «Я – ведьма»

Маша и море или Колдовская любовь *солнечная мелодрама*

Я сидела на крышке унитаза и, с мученическим выражением лица, выдергивала пинцетом для бровей волосы на ногах. Зла была, словно сто чертей, впрочем, как и любая другая женщина, занимайся она столь идиотским делом.

– Маша, ну скоро ты?! – поторопил нетерпеливый мужчина за дверью.

От неожиданности моя рука дрогнула и преобильно ущипнула ногу.

– Да пошли вы!.. – рассерженно огрызнулась я, но тут же опомнилась. – ...шли бы вы на пляж без меня. Я догоню.

Так всегда – собираясь в отпуск, я вечно что-нибудь забываю. То расческу, то зубную пасту, то крем. Но такой жизненно важной штуки, как станок для бритвы, не упускала из виду еще никогда. И главное – одолжить не у кого. Линда у нас леди, загодя сделала себе эпиляцию во всех местах. И не преминула заявить мне, что бритве для женщины – это вульгарно.

– Мы без тебя никуда не пойдем, – просюсюкал парень. – Ты сама с горы не спустишься. Или тебя, такую красивенькую, по дороге украдут.

Вот привязался. Ему-то какое дело, он вообще жених Линды!

– Маша, – прервал его рассудительный голос невесты. – Не торопись. Догонишь нас с Шуриком по дороге. Мы пойдем на наше обычное место...

Нет, дурное дело отдыхать вдвоем с подружкой и ее женихом. Отдых без мужчин имеет свой кайф – можно ходить зачуханной, облезлой, обросшей и вполне счастливой. Ехать на курорт со своим персональным воздыхателем – тоже занятие увлекательное. Роман – это постоянная интрига, смена образов, нарядов, развлечений и настроений. А тут: ни то ни се. И мужика у тебя нет, и все равно в руках себя держать надо. Соответствовать. Первый день я кое-как с обрастающими ногами проходила (если не гладить, а гладить мои ноги было совершенно некому, то ничего – незаметно). А сегодня конечности оцетинились неопрятными черными

волосками. И я бы сдохла от комплекса неполноценности, если бы пошла такими ногами на пляж. Тем паче, Линдин Шурик что-то уж слишком тщательно их разглядывает...

– Э-у-а!!! – помахала я им рукой с горы.

Хотя, если честно, этот крик восторга адресовался вовсе не моим дачным сожителям, а Морю. Искристо-синему, огромному, сразу же нахлынувшему на меня сияющим золотым счастьем. Море, любовь моя! Ни горы, ни лес, ни какое иное явление природы никогда не вызывали у меня столь мгновенного бравурного восторга. Такого нестерпимого желания кинуться в объятия. Такого адреналина в крови.

Говорят, раньше церковнослужители строили храмы, а правители возводили дворцы, чтобы человек чувствовал себя в сравнении с ними маленьким и убогим. Я никогда не понимала этой теории. Именно три вещи в мире – храмы, дворцы и море – порождали во мне ощущение своей огромности и бесконечности. Заходя в них, я чувствовала себя храмом, дворцом... Морем.

– Э-э-э-эй! – закричала я снова, приветствуя его, свое второе «Я», уже будучи им, волной, водой, стихией, готовой кинуться кубарем с горы – домой, в нестерпимо яркую, теплую синьку.

Неожиданно, оставив Линду посреди горы, Шурик ринулся мне навстречу. Я оторопело смотрела на него, приближающегося. Линда спокойно глядела ему вслед, опираясь на ручку большого синего зонтика, без которого она никогда не ходила на пляж. Белоснежка – она сгорала от первого луча солнца.

Даже не запыхавшись, Шурик подбежал ко мне и протянул руку:

– Давай помогу, а то упадешь...

Я неуверенно отдала ему свою ладонь. Конечно, бежать со всех ног к барышне, чтобы помочь ей спуститься с горки, – поступок джентльменский. Но вот по-джентльменски ли бросать ради этого святого дела свою невесту?

В подобных тонкостях я не разбиралась и оттого нахмурилась и скисла. Может, Линда сама послала его, она-то у нас кисейная барышня, свято блюдущая все тонкости этикета. В день нашего приезда, когда ее жених не удосужился подать мне руку, чтобы помочь спрыгнуть со ступенек поезда, она отчихвостила его по полной программе. Хотя, как по мне, совсем не стоило делать это в моем присутствии.

– Осторожнее, осторожнее, ставь сюда лапку... – ласково приговаривал Шурик. – А то еще ножку сломаешь. Жалко, такие ножки...

Вместо того чтобы смотреть под ноги, я постоянно косилась на Линду и спотыкалась. Она была воплощенное спокойствие. Спокойные, почти равнодушные глаза. Спокойные, гладко зачесанные волосы. Статуя. Лишь светлое платье развевается на ветру. Но мне казалось, даже он, хулиганистый ветер с моря, делает это осторожно и вежливо, зная, что имеет дело с настоящей дамой, не допускающей моветона.

– Ай! – оступилась я.

– Ну что ж ты такая неосторожная, – пропел Шурик и, легко подхватив меня на руки, донес до места.

– Вот и мы, – кивнул он невесте, сгружая меня к ее ногам, словно чемодан.

– Хорошо, – произнесла она без улыбки. – Пошли.

– Машенька, давай ручку, – засуетился Шурик. – И ты, Линда, тоже...

Ох, не нравится мне все это!

* * *

Линда позвонила неожиданно. Я как раз благополучно похоронила свой последний роман, в компании которого намеревалась нежиться на морском побережье. И уже успела смириться с мыслью, что ни любовь, ни отдых, ни море нынешним летом мне не светят. Вместе с любимым испарилось и финансовое благополучие. Сама я Золотой берег, увы, не тянула. И

изнывала в киевской квартире злая, несчастная, отравленная городской жарой, а на зубах моих скрипела пыль и разбитые вдребезги надежды.

– Какие проблемы? – с не свойственным ей азартом откликнулась Линда. – Через три дня мы с женихом едем отдыхать под Севастополь. У его дяди дача на Феоленте. Давай с нами. Там всем места хватит...

– Как-то неудобно, – искренне заколебалась я. – Жених, море... Я же буду вам мешать.

– Даже в голову не бери, – отрезала она. – Втроем веселее. Я все равно собиралась ехать с Таней. Но она не смогла. Так что у нас уже и билет на третьего человека куплен.

– Ну, если так...

В моей душе грянуло победное «УРА!!!!!!!». Зазвучали все марши сразу. Радость провралась коросту будничной городской безнадежности, и море, еще далекое, но уже близкое, хлынуло в мои объятия освежающим душем. И я затянула разговор до неприличия, выпрашивая, что и как, сбивчиво благодаря и пичкая Линду комплиментами, ибо в ее голосе для меня уже слышался шум волн, и я счастливо вжимала ухо в трубку, как ребенок в заветную раковину, в глубине которой звучит вечный прибой.

С избранником Линды я познакомилась лишь на вокзале. Он поразил меня сразу, причем по трем пунктам. Прежде всего своим размером. Столь массивных мужчин я не видела еще никогда. Именно таких, как он, хилые герои комедий бьют в потасовке бутылкой по голове пять раз подряд, а те знай себе флегматично ковыряются зубочисткой в челюстях да почесывают в затылке. Небрежно собрав в пригоршню ручки наших раскормленных нарядами чемоданов, он расфасовал их по полкам с такой удивительной легкостью, с какой я могла бы перемещать только воздушные шары.

Когда же, тронувшись с места, поезд тихо пополз на юг и мы начали обуючивать оккупированное купе, парень убил меня наповал второй раз – своей нескрываемой влюбленностью в Линду. Впервые в жизни я поняла: сдувать пылинки – не фигура речи. Он носился с ней как дурень с писаной торбой. Подсаживая на вторую полку, умудрялся походя поцеловать ее то в коленку, то в локоток. Заботливо поправлял ей подушки и простынки. Непрерывно бегал исполнять ее поручения: за чаем, за водой, за едой в вагон-ресторан. И кажется, попроси ненаглядная персик или мандаринку, понесся бы за ними пешком в Крым, обгоняя паровоз.

Но прибегать к столь крайним доказательствам любви нужды не возникало, фрукты кучковались по купе в неприличном изобилии – Шурик закупал их на остановках ведрами. И, от нечего делать, я обжиралась витаминами, вяло наблюдая чужое сладкое счастье. Романтично вздыхая про себя, я несколько им не завидовала. Не потому, что я святая, – нет. Из-за отсутствия искушения.

Странная закономерность: все мои подружки, выбирая себе мужей, умудрялись находить типажи, не вызывающие у меня ничего, кроме физического неприятия. И Шурик имел все основания оказаться во главе этого черного списка. Будь он не Линдиным, а моим кавалером, высек бы из меня лишь одно желание – бежать от него со всех ног. Его крепкая шея, мускулистые руки, дебелие плечи, массивные крепкие ноги в обтягивающих джинсовых шортах казались мне откровенно страшными. Он не был толстым – просто ужасающе большим и сильным. И даже я, девушка далеко не мелких размеров, понимала: роман с таким Геркулесом изначально не предполагает равноправия. Слишком уж не равны силы. Приятно, конечно, когда жених носит тебя на руках, словно пушинку... Но ведь так же легко он может сломать тебе шею, не так ли? И рано или поздно, когда коса найдет на камень, вечный инстинкт мужчины побеждать вырвется из него, и он просто стукнет кулаком по столу, а ты автоматически примешь свою вторую роль.

Но сейчас Шура до смешного напоминал укрощенного, прирученного мамонта, радостно внимающего приказаниям своей маленькой победительницы. Чем больше третировала его

Линда, тем с большим восторгом он на нее взирал. И на ее невозмутимом лице было написано чувство глубокого удовлетворения. Это, собственно, и стало моим удивлением «номер три».

Зная Линду пять лет, я бы ни в жизнь не предсказала, что она выберет себе в женихи подобного Илью Муромца.

Линда вообще была чудной. Дочь вышедшей на пенсию балерины и богатенького папочки, заработавшего денежки еще при советской власти и исхитрившегося не только сохранить капиталы на сломе эпох, но и приумножить их за десять лет существования «самостийной» Украины. Единственное дите, вскормленное с детства серебряной ложкой, которое невесть почему наотрез отказалось идти по стопам своей мамы, занимающейся нынче исключительно растратой мужниных средств. И, вместо того чтобы шляться в свое удовольствие по магазинам и ночным клубам, делало все возможное, чтобы стать старой девой.

Она была ужасающе правильной! Правильно питалась, правильно пережевывала пищу, правильно себя вела и вела правильный образ жизни. Выучилась на историка, писала какую-то жутко заумную диссертацию, носила юбки до пят и рассуждала про идеальную любовь. Точнее, Линда называла ее «абсолютной». Имелась в виду любовь без всяких «но» – измен, обид, недопонимания и т. д. «Нельзя прощать, – говорила она мне. – Ты простишь его раз, потом еще десять раз, и чего добьешься в результате? Прирастешь кожей к человеку, тебе не подходящему, регулярно совершающему поступки, тобой не уважаемые. Нет, мой избранник должен подходить мне, как ключ к замку».

И кто бы мог подумать, что она отыщет себе столь громоздкий ключик! Да обойди я весь белый свет, не нашла бы человека более не подходящего ей, чем этот мамонт. В ее женихе бушевали бури, Линда же, сколько я ее помню, пыталась вычертить свое счастье с помощью линейки и карандаша. Она напоминала тонкостенный антикварный бокал, он – танк последней модели. И самый отчаянный фантазер в мире не смог бы измыслить ситуации, при которой два эти предмета были бы уместны рядом.

– А как вы познакомились? – поинтересовалась я, раздираемая любопытством.

– Он отбил меня у хулиганов, – горделиво просветила меня Линда.

Бедные хулиганы, от них, верно, мокрого места не осталось!

– Он настоящий герой, победитель – Александр Македонский.

– Шурик Македонский, – хихикнул «герой».

– А Маша работает на телевидении, – вежливо презентовала меня Линда.

Информация не вызвала у жениха ни малейшего интереса.

– Интересно, наверное, – с сомнением произнес парень. – Хотя я вообще-то телевизор не смотрю. Только кино по видику. Телевизор – для пенсионеров. В жизни столько всего классного. Глупо глядеть, как кто-то другой делает это на экране, если можно все попробовать самому!

– А где ты работаешь, Шурик?

– В спецподразделении «Альфа».

– И много вас там таких?

– Там все такие.

Даже отвечая на мои вопросы, парень не удосужился повернуться ко мне лицом, продолжая раздевать взглядом свою драгоценную невесту.

– Нет, – возразила Линда тоном директора школы. – Ты – единственный.

– Это ты у меня – единственная, самая-самая, красивая, умная, необыкновенная... Дай поцелую.

Линда небрежно оттолкнула ладонью его любвеобильные губы. Уж кто-кто, а она умела держать себя Снежной королевой. То ли дело я, стоит влюбиться – сразу теку, расплескиваюсь, штормлю. А мужчинам нравится недоступность. Вот и Шурик поплыл, словно тонна растаяв-

шего мороженого. Еще бы, Линда такая правильная! Такая правильная, что в ее правильности уже есть какая-то патология.

* * *

– Как ты мог не подать руку Маше?! Это хамство!

– Я же подал тебе...

– Настоящий джентльмен – это тот, кто даже с кухаркой ведет себя как джентльмен. –

Линда очередной раз блеснула эрудицией, перефразировав Бернарда Шоу.

– Послушай, Линдочкин...

– И слушать ничего не хочу!

– Но...

– Никаких «но»!

В результате, на дачу мы все ехали насупленные. Линда дулась для профилактики. Шурик обдумывал ее суровое назидание. Я – ассоциацию с кухаркой. Случайно она прошмыгнула, или Линда действительно считает меня лишь удочеренной плебейкой?

– Ну, вот и прикатили, – робко улыбнулся Шурик.

– Приехали, – поправила Линда.

Дядина дача оказалась воплощенной мечтой всей моей неудавшейся жизни. Двухэтажный каменный домик, спальни с развевающимися белыми занавесками, ванная с новеньким кафелем и огромная терраса с видом на море.

Впрочем, террасу я разглядела уже потом. Мы зашли через вход с улицы, и Линдин Ромео, демонстративно замаливая грехи, задал дурацкий вопрос:

– Маша, ты любишь море?

Люблю ли я море? Он бы еще спросил, люблю ли я любовь! Если существует хоть одна метафора, способная всеобъемлюще передать слово «любовь», то это оно – море – ласковое, уютное, бушующее, равнодушное, страстное, убивающее. Так же, как и в любви, у него есть тысячи тысяч прямо противоположных качеств, объединенных одним понятием – МОРЕ. Оно может кормить тебя и изнурять жаждой, разбить твоё тело о камни и нежно покачивать его на волнах. С ним сражаются, его воспевают, в нем тонут. Сколько человеческих тайн, трагедий, смертей таится на его дне, а его все равно обожают, боготворят, рвутся к нему всеми фибрами души – хоть увидеть, хоть окунуться, хоть омочить ноги! – словно бы любовь к морю заложена в нас, человеках, как один из непреодолимых инстинктов. И купание в нем – секс с ним, мирное плавание или борьба стихий, но так или иначе вхождение одного тела в другое, поглощение одного другим – единение!

– Да, люблю, – сдержанно кивнула я.

– Тогда берем купальники и сразу на пляж. Линда, ты как, за?

Линда почему-то серьезно изучила циферблат своих часов (неужто ей придет в голову устанавливать распорядок дня – испугалась я), смерила оценивающим взглядом нас обоих и произнесла загадочно:

– Идем. Сейчас самое время.

– Только уговор, – оживился Шурик. – Закрываете глаза и открываете их только тогда, когда я дам команду.

– Саша, ты же знаешь: я не люблю такие игры...

– А ты, Маша?

Я покорно согласилась, боясь показаться невежливой.

Мы переоделись по-солдатски быстро. Я нетерпеливо вытряхнула на кровать содержимое чемодана, скинула с себя надоевшую городскую шкурку и втиснулась в шорты и футболку. Линда вышла из спальни в простеньком белом платье стоимостью баксов в пятьсот. На Шурике не было ничего, кроме разноцветных хлопчатобумажных трусов и разношенных сандалий.

– Ты должна зажмуриться, – приказал он.

И я отдалась в полное его распоряжение.

– Шаг, еще шаг... Ступенька, – начал осуществлять руководство «Македонский».

Слепая, я спустилась по невидимой лестнице. Сухая колючая травинка больно хлестнула меня по ноге. Что ж, первая царапина обеспечена...

– Еще два шага.

В огромных тисках его ладоней, плавно подталкивающих мое тело вперед, я чувствовала себя странно скованной. Они раздражали меня, лишали собственной воли. Чего он, собственно, добивается?

– Аккуратно. Еще полшажка...

В лицо ударил резкий порыв ветра.

– Еще четверть. Открывай!

Вот это да!!

Я стояла на самом краю обрыва, нависшего над ослепительно бирюзовой водой и каменистым берегом, в изумрудно-желтой оправе скал. И сразу же, в один острый пронзительный миг, почувствовала себя парящей между землей и небом. Не было страха – был восторг. В такие яркие минуты человек способен поверить, что умеет летать, и, кинувшись с кручи, радостно расставив руки, умереть счастливым.

– Смотри, это Феолент, – любовно представил Шурик. – Видишь, скала уходит в море? Ее называют Скала-кольцо. В ней – огромная арка, сквозь которую можно проплыть. А на ее вершине, по легенде, стояло когда-то каменное изваяние богини любви.

– Венера? Афродита? – насмешливо уточнила Линда.

– Нет, старше... Огромная каменная баба... Не знаю, правда ли это...

– Неправда, – опустила его на землю невеста. – Говорю вам как историк, ничего подобного здесь быть не могло.

Но веселый золотой бриз уже ударил мне в голову. Мертвое цивилизованное тело ожило, я почувствовала свою грудь, ноги, плечи, живот, проснувшуюся в них жадную энергию жизни. И мне казалось, я почти вижу ее, фигуру женщины, так же, как и я, стоящую над обрывом, на самой вершине счастья. Богиню любви, рожденную морем и пеной. Похожую на крылатую летящую Нику Самофракийскую, только с головой и руками, разведенными в полете. Ее длинные волосы и складки каменного платья бились на ветру...

– Хочешь сказать, нам нужно спускаться на пляж с этой скалы? – раздался неодобрительный голос Линды.

– Это только в первый раз трудно, – начал оправдываться Шурик. – Нужно держаться за веревку. Я вам помогу.

– Ребята, вы спускайтесь, а я туда... – обалдело отмахнулась я от них.

– Куда? – не поняла Линда.

– Туда, – ткнула я пальцем в пик скалы с моей незримой, сверкающей богиней и замороженно двинулась вслед за своим пальцем.

– Вот шепутная у тебя подружка... – послышался за спиной удивленный бас Шурика. Линда не сказала ничего.

Я лезла с горы, потом опять на гору, цепляясь за острые выступы камней, передвигаясь большей частью на четвереньках, ведомая, влекомая, счастливая, совершенно сумасшедшая. А добравшись до вожаемого пьедестала богини, выскочила из шортов, тапочек, майки и, не задумываясь, кинулась вниз, расставив руки. Пробивая воздух, словно пуля, я летела в бездну. Безумный коктейль ужаса и восторга рвал грудь. Вода больно ударила ступни, и море потянуло меня вглубь, в черноту. В никуда.

А-х-х...

Колеса ногами, отбиваясь руками от ледяной темноты, я поплавком всплыла на поверхность – новая, отрезанная своим невероятным рывком от прошлой жизни, как Иванушка, иску-

павшийся в трех котлах Конька-Горбунка. На миг показалось: сил больше нет, тело парализовал запоздалый, настигнувший меня страх. И тут я увидела, как великолепным кролем ко мне несется Шурик.

– Цепляйся за мою шею... – решительно крикнул он. В ответ я лишь злобно стиснула зубы и попыталась молча обогнуть его своим лягушачьим брассом. До чего лишним, до чего некстати он был! Верно, то же самое испытывают собаки, когда хозяин, отпустивший их побегать, подходит к ним с поводком...

– Ты че, не тонешь? – удивился спасатель.

Я упрямо двигала конечностями, стараясь не торопиться, не убежать, а наслаждаться плаванием. Получалось плохо. Я ощущала себя под конвоем. Боясь оставить меня, Шурик описывал круги вокруг, безуспешно пытаюсь приноровить свой темп первоклассной моторной лодки к моему неспешному ходу.

Мы подплыли к берегу. Линда сидела под зонтиком на плоском камне. Она казалась нонсенсом на этом диком пляже – белая леди с выпрямленной спиной, в белом купальнике, обтягивающем ее стройную фигурку «без миллиграмма лишних калорий». И я вдруг застеснялась своих слишком крепко сбитых телес, своего глупого поступка, самой себя. Косолапо передвигаясь по острым камням, я двигалась к ней. Подоспевший Шурик быстро протянул мне руку. Я по-детски спрятала ладони за спиной. Обидно, черт возьми, когда парень ведет себя с тобой вежливо лишь для того, чтобы заслужить одобрение своей невесты!

– Зачем ты это сделала? – сурово спросила Линда.

Я не знала, что ответить. Знала лишь одно: если бы я хоть на минуту задумалась, стоит ли это делать, – не сделала бы никогда.

Приняв полотенце из ее рук, я опустила голову и начала с преувеличенным энтузиазмом просушивать волосы. Из-за вопроса Линды мир снова стал убийственно реальным. Я больше не чувствовала радости.

– Ну ты безбашенная, подруга!

Сквозь мокрую чадру слипшихся черных прядей я увидела опешившее лицо Шурика с восторженными фонарями глаз.

– Не каждый мужчина рискнул бы сигануть оттуда. Там же скалы подводные, ты чудом не разбилась. Ну ты герой!

– Не герой, а глупая импульсивная девчонка, – раздраженно срезала его Линда. – Ты не представляешь, как мы испугались! Что бы мы делали, если бы ты не выплыла? Что бы я сказала твоей маме? Ты о ней подумала?

– Дай посмотрю, не поцарапалась где... – гнул свое Шурик.

Диссонанс между ними, ее неодобрение и его признание, был столь очевиден, что теперь я уже боялась стать невольной причиной их ссоры. Отобрав полотенце, Шурик начал облапывать меня со всех сторон в поисках предполагаемых ран. И в свои далеко не шестнадцать лет я вдруг с удивлением поняла: царапины – только повод пощупать...

«Вот подлое мужицкое создание – на фиг тебе барышня не нужна, а все равно не упустит случай за сиську подержаться!» – разозлилась я. Хотелось закричать, послать его, надавать оплеух. Но я лишь изо всех сил делала вид, что ничего непристойного не происходит.

Линда наблюдала за нами со свойственным ей пытливым выражением лица. Никогда я не видела на нем никаких ярких чувств – ни возмущения, ни восторга, ни любопытства – только этот бесстрастный интерес историка, препарирующего людские нравы.

Она снова взглянула на часы, элегантно пожала плечами и произнесла все ту же, неясную мне фразу:

– Да, уже пора.

* * *

На следующее утро мы пили кофе на террасе. Я сидела на ступеньках, разомлевшая, уже одетая в купальник, любуясь самым синим в мире Черным морем. Обросшие ноги я стыдливо прикрыла полотенцем и на время безмятежно забыла о них. Горько-сладкая влага нежила небо. После городского смога я чувствовала себя отравленной пьянящим кислородом, после схематично-легитимного существования – обезумевшей от необузданности природы. Море, небо, скалы – какая банальность и какая красота! Я зажмурилась, а затем, резко открывая веки, – открывала для себя вновь и вновь этот великолепный «блистающий мир». За сутки я научилась отстраняться от Линды, Шурика, их любви, целиком сосредоточиваясь на своей – Море. Находиться *tete-a-tete* только с ним. И снова ощущала себя бездумно счастливой...

Скрупулезная Линда готовила на кухне завтрак из трех блюд. (Еще бы, ведь Шурик ест не хуже, чем Робин-Бобин Барабек!) Ее притихший жених сидел в плетеном кресле за моей спиной, пытаясь настроить растрескавшуюся дядину гитару.

*Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском синем-синем море
Бригантина подымает паруса...¹*

Запел он вдруг.

Я замерла. И в ту же минуту простила его «шаловливые ручки». (Надо признать, моя грудь третьего размера всегда вызывала у мужчин самую неадекватную, точнее, самую что ни на есть природную реакцию.)

Я могла простить ему все на свете за то, что он знает слова моей любимой «Бригантины»!

*Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.*

Капитан...

Да, прав был Грин, который жил и умер тут, в Крыму. Глядя на море, невозможно не выдумать Ассоль и «Бегущую по волнам». Живя у моря, невозможно не ждать алые паруса. И лишь тот, кто посвятил свою жизнь морю, мог, не задумываясь, подарить их своей любимой. Ибо море, мгновенно смывая с нас ложь цивилизации, делает всех беззаветными романтиками!

Только вот где он? Мой личный капитан Грэй...

*Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.*

Впрочем, я была бы согласна и на пирата...

*Так прощаемся мы с серебристою,
Самую заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой!*

---

¹ Песня написана на стихи П. Д. Когана.

Песня оборвалась.

– Слушай, Маша, а чего ты решила вчера прыгнуть со скалы? – неожиданно пробасил Шурик.

– Я не решала. Мне просто вдруг страшно захотелось сделать это, – объяснила я машинально, продолжая купаться в своих голубых фантазиях.

– Знаешь, я тебя понимаю, – задумчиво протянул он. – Я сам прыгал с нее не раз. Знал, что нельзя, опасно, и прыгал все равно. Феолент – такое удивительное языческое место. Тут все «нельзя», «не стоит», «неправильно», «неудобно» становятся хлипкими и глупыми. А правила приличия вообще кажутся абсурдом.

– Правила приличия, – усмехнулась я, – это наука о том, как максимально облегчить жизнь окружающим, тем самым испоганив ее себе. А главное, они находятся в коренном противоречии со всеми природными инстинктами. Правила приличия отличают нас от животных, но еще никем не доказано, что это отличие в лучшую сторону.

– Вот это да! – обрадовался Шурик. – Классно сказала. А ты любишь море?

Неизвестно отчего сегодня этот вопрос совсем не показался мне дурацким.

– Когда я смотрю на него, – искренне призналась я, – то постоянно вспоминаю, что когда-то вода покрывала весь земной шар и наши далекие прапрапредки вышли на землю из моря. А как иначе объяснить, что все мы влюблены в него генетически, априори, без всяких оснований? Ведь не море кормит нас, его водой нельзя даже напиться, а мы все равно рвемся к нему и в него. А потом, это же известный факт: новорожденные младенцы, которые ни сидеть, ни ходить не умеют, уже умеют плавать. Вот доказательство – тысячу веков назад мы все рождались в воде!

– А я и сейчас родился в воде.

– Да ну! – Я впервые обернулась, чтобы посмотреть на новоявленного дельфина. И незамедлительно пожалела об этом. Беседа, складывающаяся столь уютно и интересно, тут же показалась мне неуместной. Вид противостественной человеческой махины сразу вызвал отторжение, тревогу, желание ретироваться и заткнуться. Я поспешно отвернулась. Лучше уж, как в «Аленьком цветочке», разговаривать с голосом невидимого чудовища.

– Я ведь родился в Севастополе, – продолжал Шурик. – И моя мама была страшной авангардисткой, ходила в специальный кружок беременных дамочек, которые рожали не в больнице, а в море.

При мысли, сколь болезненно должно быть производить на свет такую махину, я невольно содрогнулась и поморщилась. Нет, Шурик в общем неплохой парень, но ничего не могу с собой поделать – он вызывает физическое отвращение, как любое отклонение от нормы. И как только бедная Линда с ее узкими бедрами намеревается родить ребенка от такого титана...

– И кстати, – окончил он, – родила меня без проблем. Я выскочил, словно пробка из бутылки шампанского. И сразу же поплыл!

– Я бы тоже хотела родить в море... – мечтательно произнесла я, вглядываясь в горизонт и пытаясь представить себе того, единственного в мире человека, который когда-нибудь станет отцом моего ребенка.

Но образ упрямо отказывался материализоваться.

– Молодец! – Здоровенная грабля панибратски похлопала меня по плечу. Показалось мне или нет – его пальцы задержались на полмгновенья и погладили мою кожу.

Я сжалась и напряглась.

– Родишь такого же богатыря, как я!

Только этого мне не хватало!

– Жаль, Линда не хочет детей, – пожаловался Шурик, и, судя по интонациям, данный пассаж сильно его озадачивал.

– Почему?

– Говорит, при абсолютной любви дети – лишние. Они нужны лишь как затычка, если корабль дает течь.

Я пожалала плечами. Что ж, заявление вполне в Линдином духе.

– Слушай, ты прости меня за вчерашнее... ну за то, что я не подал тебе руку на вокзале.

– Проехали, – поспешно отмахнулась я. – Мы ведь договорились: правила приличия на Феоленте...

– Да какие, к черту, правила! – почти рассерженно прервал он меня. И от удивления я снова обернулась.

– Без всяких правил, обе мои руки в твоём распоряжении. Просто потому, что ты мне нравишься.

Пораженная, я смотрела на него. Мы были в двух шагах друг от друга. Его скривленное резкой гримасой лицо выражало что угодно, но только не дружеские чувства. И это было неприятно. Он сверлил меня глазами, как изголодавшийся – бутерброд.

– А вот и оладушки...

Линда вплыла на террасу с подносом в руках. Я сразу почувствовала облегчение.

– Саша, ты, верно, сильно проголодался?

– Да, по-моему, он очень голодный, – виновато согласилась я, будто задержавшийся завтрак и впрямь мог объяснить его всплеск эмоций в мой адрес.

Шурик уселся к столу с видом пай-мальчика. Я смотрела, как невеста, грациозно держа в руках прозрачный кувшин, наливает жениху ярко-желтый апельсиновый сок из свежавыжатых фруктов. До чего же она хороша! Тонкая, словно соломинка в коктейле, с хрупкими запястьями, льняными волосами и лицом суровой готической мадонны. Сегодня на Линде был новый купальник: бирюзовый в нежных цветах, подвязанный легкой шифоновой юбкой той же расцветки (я видела их в Киеве в витрине магазина). И я с радостью заметила, что при одном взгляде на нее, наставницу, идеал, принцессу крови, взгляд жениха вновь обрел рабскую покорность.

Линда взыскательно поглядела на меня.

– Маша, ты совершенно безалаберно питаешься.

Я извинительно улыбнулась – слава богу, они снова заняты друг другом! – и, привычно застенявшись сравнения с Леди Совершенство, пошла ощипывать свои несовершенные ноги.

* * *

– Машенька, давай ручку, – засуетился Шурик. – И ты, Линда, тоже...

Нет, не нравится мне все это!

В тот день мы провалялись на пляже до обеда. Хотя, пожалуй, определение «валяться» не подходило ни к кому из нас. Я мгновенно нырнула в море и понеслась к горизонту. Ноги, искусанные щипками пинцета, сразу стали легкими, гибкими, невесомыми. Проплыв сквозь Скалу-кольцо, я видела перед собой только безмерное синее пространство и ощущала себя им – сильной, независимой, свободной. А развернувшись к берегу – обреченной. Меня всегда поражало: почему плыть туда – так легко, а обратно – трудно? И это совершенно не зависит от расстояния, на которое ты заплываешь.

К тому же, дав обратный ход, я заметила, что мне навстречу опять гребет неугомонный Шурик.

– Ты точно не тонешь? – задал он свой любимый вопрос.

У него просто какой-то комплекс спасателя, как у собаки-водолаза!

К Линде слово «валяться» и подавно не подходило. Аккуратно подкрашенная, чистая, строгая, она сидела под зонтом в белой широкополой шляпе. Не девушка – обложка журнала, рекламирующего модели летнего сезона. Только там манекенщицы никогда не забывают втягивать живот, безупречно держат спину и так изысканно расставляют ноги. Их прически не

сезжают набок, а грим не плывет от жары. Понятно – на то они и картинки! Но Линда была такой на самом деле...

Сегодня она захватила с собой маленький золотистый фотоаппарат и непрерывно отщелкивала нас с Шуриком. И это смущало меня. Она фотографировала нас совсем не так, как обычно снимают веселые компании на пляже – со смехом, улюлюканьем, требованием принять потешные позы, забраться друг другу на плечи... Так сосредоточенно и неумолимо можно было запечатлеть разве что казнь, с намерением сохранить для потомков свидетельство этого страшного преступления. И я чувствовала себя преступницей без всяких на то оснований.

– Маша, хочешь, половим крабов?

– Да.

Щелчок фотоаппарата.

Мы выискивали бассейны между камней и караулили крохотных морских монстриков, ловя и тут же отпуская их на волю за полной ненадобностью.

– Маша, а хочешь, поплывем к скале, насобираем мидий к обеду? Я быстро смогаюсь за маской...

– Хочу...

Еще щелчок.

Нет, пожалуй, основания были.

Я говорила: «Хочу», потому что мне было неудобно отказывать Шурику, подпрыгивающему от нетерпения, в преддверии всех этих нехитрых мальчишеских развлечений. Но главное – я говорила: «Хочу», потому что хотела ловить крабов, хотела мидий, хотела беспрепятственно развлекаться, радуясь приморской жизни, чувствуя себя веселым беззаботным животным, отбросившим хвост цивилизации и выслеживающим свой подножный корм.

Щелчок, щелчок, щелчок!

Но я видела и другое – ситуация изменилась. И Линда сидела на своем камне, как идол, которому оказывают обязательный ритуал почтения, тут же забывая о нем. Шурик апеллировал лишь ко мне. Я старалась успокоить свою совесть: он просто знает, что его невеста не станет скакать по камням и нырять под скалы, вот и зовет меня в компанию. Но знала: вру.

Я помнила, как он глядел сквозь меня еще вчера утром – мне было с чем сравнивать. И достаточно хорошо знала мужчин, чтобы понять: Шурик исполняет передо мной вечный брачный танец самца, демонстрирующего самке, какой он классный и распрекрасный. И его поведение, еще не выходявшее за рамки приличия, было уже неприличным по отношению к Линде. Мое, поскольку я не пресекала его, – ничуть не лучше. И волшебное действие Феолента вряд ли может служить нам оправданием.

Но пресечь – означало признать, что он ведет себя недопустимо. Кольнуть подружке глаза: «Твой жених – ловелас, держи его в узде!» А она держала себя столь отрешенно, спокойно, так ровно улыбалась нам своими идеальными зубами...

Щелчок.

Почему она ни разу не попросила нас сфотографировать ее?

– Линда, давай я тебя щелкну!

Она согласилась без всякого энтузиазма.

– А теперь вас вместе с Шуриком.

Массивный жених обнял свою тонкокостную невесту – так собаки исполняют приказание «к ноге!», – и улыбнулся мне во весь рот.

– Смотри в кадр! – обозлилась я.

Щелк.

– Линда, я не поплыву за мидиями, лучше посижу с тобой. Хорошо?

– Зачем? Вдвоем вы больше наловите. Давай... Мне тоже хочется мидий.

Но в то же время меня не покидало странное ощущение, что Линда наблюдает за нами, провоцирует нас своим бездействием, толкая друг к другу...

И это тревожное подозрение усилилось еще больше, когда после обеда из мидий подруга внезапно заявила, что собирается поехать в Севастополь проявить и напечатать пленку, и наотрез отказалась брать нас с собой.

* * *

Идти на пляж вдвоем с Шуриком я целомудренно отказалась. Он совращал меня как мог, сотрясая морским ружьем, обещая научить нырять «по-настоящему» и подначивая:

– Уверен, из тебя получится классный морской волк!

Сделав каменное выражение лица, я заявила: «У меня ужасно болит голова», – и ушла в спальню, громко клацнув замком изнутри. Открыв окно с видом на улицу (окна спальни Шурика и Линды выходили на море), я вылезла во двор, обошла дом и затаилась в кустах. Вскоре незадачливый жених продефилировал мимо, понурый и заметно сдувшийся. Дождавшись, пока он отойдет на безопасное расстояние, я уюстилась на террасе, где без помех предалась угрызениям совести.

Зачем Линда уехала в город? Может, в глубине души снежная леди такая же нормальная, ранимая барышня, как я? Это же классический женский ход – уйти, чтобы любимый бросился тебя догонять. Трогательный и наивный. А мужлан Шурик не понял, отпустил ее и бескомплексно заваялся к морю.

И что прикажете делать мне?

Безусловно, самое разумное решение – собрать чемодан и убраться восвояси, оставив их вдвоем. Третий, известно, лишний. Вместе с ним сразу исчезнут все проблемы. И Линда с Шуриком снова начнут мурлыкать, ласкаться, лизаться... Но, отправившись к морю на две недели, бросить его через два дня! О, это выше моих человеческих сил.

Дурацкая ситуация! словно стакан, заполненный выше краев, когда вода не ровная, а выпуклая и нависает над сосудом полусферой. И вроде бы еще не проливается, но донести до рта, не расплескав, уже невозможно... Нет ничего более отвратительного, чем подобный любовный треугольник – парень твоей подруги начинает заигрывать с тобой прямо у нее под носом. Я всегда непримиримо осуждала барышень, уводивших мужчин у своих приятельниц. Чужой мужик – табу. Угонщицы – бессовестные воровки, которые не моргнув глазом предадут многолетнюю дружбу. И кстати, ничего хорошего из таких романов не получается. Если жених готов изменить невесте с первой затрепетавшей рядом юбкой, это отнюдь не означает, что ты – лучше ее, просто он – ловелас неисправимый. С таким счастья не сваришь. И боюсь я, Шурик из их числа. Только вчера нос от меня воротил, а сегодня уже охмуряет. Сработал тупой собственнический инстинкт – появилась новая баба, значит, должна быть моей.

Вот тебе и абсолютная любовь. Бедная Линда. Бедная я. (Ведь, как бы невинна ты ни была, ухаживания за тобой подруги именно тебе и не прощают.) Подлый Шурик! Так, сразу, испортить мне отпуск своим дурацким донжуанством. Тем паче, он мне совсем не нравится.

Да, там, на диком морском берегу, его сильная громоздкая туша становилась на удивление гармоничной, естественной, почти совершенной. Таким и должен быть первобытный человек. Шурик рожден для природной жизни Маугли и подводной Ихтиандра. И мог бы стать мне прекрасным другом. Мне было весело нырять с ним и наверняка понравилось бы заниматься с ним на пару подводной охотой, играть в теннис и баскетбол. Он мог бы научить меня плавать кролем и стрелять из ружья... Но не более! Стоило мне представить его на каком-нибудь ином фоне, например в спальне... Быр-р!

«Но нет ничего непоправимого», – утешила себя я, поудобнее устраивая свою задницу в плетеном кресле.

Ряд нехитрых действий расставит все по своим местам. Прежде всего нужно наотрез отказываться от всех соблазнительных предложений подлого соблазнителя. В конце концов,

отправься я в отпуск вдвоем с Линдой, сидела бы паинькой с ней на камушке и не страдала бы от отсутствия крабов, мидий и морской охоты. Во-вторых, следует как можно чаще оставлять их вдвоем. Лучше всего отыскать себе какую-нибудь временную партию. пляж, куда ходили мы, был безлюден. Но по левую сторону Скалы-кольца собиралось достаточно много народа. Решено! Завтра же отправлюсь туда и постараюсь подцепить ухажера. Со временными мужчинами у меня никогда не возникало проблем, сложность была лишь в том, как удержать их надолго. Но в данный момент она не актуальна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.